

Владимир КОЧЕТКОВ, член Союза писателей и Союза журналистов России, географ, путешественник.

ПОНИМАТЬ ЖИЗНЬ

Рассказ

Тёмным зимним январским утром я вёз младшего сына в садик. Старший приболел тогда и отлёживался у бабушки, а жена чем свет уехала по работе в город. Так вот. Вёз я младшего в садик. Вёз на санках. Зима в тот год была ранняя, снега навалило много. Тропинку, по которой мы обычно ходили, то и дело переметало, и приходилось тащить санки через сугробы.

В тот день я опаздывал – затянул со сборами на работу. Я злился мне казалось, что не я, а сын долго возится и никак не соберётся. Он старался, как мог – торопливо одевался и застёгивал пуговицы, обуваясь, судорожно поправлял не желавший слушаться носок, время от времени бросая на меня извиняющийся взгляд, лишь шарф позволил повязать мне.

Едва мы вышли за ворота, как он вспомнил о забытой впопыхах коробочке, в которой у него хранились самые заветные его сокровища. Он с ней не расставался – ночью клал с собой в кровать и обязательно брал её в садик. Мне пришлось вернуться за этой коробочкой. Получилось у меня и вернуться домой, и сунуть ему в руки эту забытую им вещь с раздражением.

В том, что мы опаздывали, виноват был только я, но мне никак не удавалось справиться с этим раздражением. Сын же прижал свою коробочку к груди, и я повёз его, так и не сумев успокоить, усмирить своё недовольство. На повороте санки перевернулись и сын свалился в сугроб. Коробочка его, естественно, раскрылась, содержимое рассыпалось, и он, сбросив варежки, голыми, дрожащими своими ручонками стал собирать то, что там рассыпалось. Только здесь, в этот момент моё дурацкое и сволочное злорадство захлебнулось в молчаливом крике. «Что же это я? Что же я делаю?» Беззвучно обзывая себя самыми последними словами, я сел рядом с сыном и начал собирать вместе с ним его «богатства».

– Перевернулись вот санки, – оправдывался я вслух, страшась увидеть на его лице неудобное мне отношение к этому эпизоду, боясь за себя и за наши с сыном отношения. Я был молод тогда, и моё внимание к собственной персоне было слишком велико.

Но сын простил меня – дети великие психологи и великие люди. Они знают жизнь, вернее понимают её лучше любого из взрослых. Он улыбнулся мне открытой и доброй улыбкой, а я, сшибая ресницами слёзы, гладил его замёрзшие ручонки и бормотал что-то, теперь уже не имеющее никакого значения. Затем поставил санки на полозья, как следует поправил на них одеяло, усадил сына, надев ему на руки свои рукавицы, и мы уже не спеша покатали в садик.

Я опоздал к первому уроку, но опоздание стоило того. Маленький четырёхлетний мальчиш преподнёс мне такой урок благородства, который стоил, наверное, не одного дня моей работы в школе.

Не буду говорить, что тот случай превратил меня в какого-то там хорошего человека. Нет, конечно. Не смогу сказать, что стал смотреть на жизнь по-другому после этого случая. Нет. Это был просто хороший урок, только и всего. Как часто мы нуждаемся в подобных уроках! И сколько нужно пережить, чтобы научиться вот так, как это может маленький четырёхлетний человек, понимать жизнь.

